

Сергей ЛУКЪЯНЕНКО

Сергей ЛУКЪЯНЕНКО

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Л84

Серийное оформление *А. Кудрявцева*
Компьютерный дизайн *В. Воронина*
Художник *А. Фerez*

Лукьяненко, Сергей Васильевич.

Л84 Шестой Дозор : [фантастический роман] / Сергей Васильевич Лукьяненко. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 352 с. — (Дозоры).

ISBN 978-5-17-088817-7

Это последняя история о Светлом маге Антоне Городецком.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© С.В. Лукьяненко, 2014
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Данный текст обязателен для прочтения силами
Света.

Ночной Дозор

Данный текст обязателен для прочтения силами
Тьмы.

Дневной Дозор

Пролог

Пятнадцать лет — это большой срок. За пятнадцать лет человек успевает родиться, потом учится ходить, говорить и пользоваться компьютером, потом — еще читать, считать и пользоваться унитазом, совсем потом — драться и влюбляться. А в завершение порой производит на свет новых людей или отправляет во тьму старых.

За пятнадцать лет убийцы проходят все круги ада в тюрьмах для особо опасных преступников — и выходят на свободу. Иногда — без капли тьмы в душе. Иногда — без капли света.

За пятнадцать лет самый обычный человек несколько раз радикально меняет свою жизнь. Уходит из семьи и заводит новую. Меняет две-три-четыре работы. Богатеет и становится нищим. Посещает Конго, где занимается контрабандой алмазов, — или селится в заброшенной деревушке в Псковской области и начинает разводить коз. Спивается, получает второе высшее образование, становится буддистом, начинает принимать наркотики, обучается пилотировать самолет, едет в Киев на Майдан, где получает дубинкой по лбу, после чего уходит в монастырь.

В общем, много чего может случиться за пятнадцать лет.

Если ты человек.

...Впрочем, если ты девочка пятнадцати лет от роду — то ты твердо знаешь, что ничего интересного с тобой не происходило.

Ну почти совсем ничего.

Оля Ялова, если бы кто-то сумел поговорить с ней по душам (еще лет пять назад это получилось бы у мамы, года три назад — у бабушки, но сейчас — ни у кого), рассказала бы про себя три интересные вещи.

Первая — как же она ненавидит свои имя и фамилию!

Оля Ялова! Нарочно не придумаешь!

В детстве ее дразнили «Оля-Яло», как девочек из старого-престарого детского фильма. Но это еще было ничего. В конце концов, фильм был хороший (по мнению семилетней Оли), на тех девочек-близняшек она даже немного походила. Оля-Яло? Ну и прекрасно.

А вот классе в четвертом кто-то из одноклассников... ну да уж, «кто-то»... хорошо, когда ты уже в десять лет — красавчик, блондин, отличник, родители богатые и тебя обожают, а фамилия твоя — Соколов... так вот, кто-то из одноклассников решает посмотреть в Интернете, какая фамилия что значит...

И ты узнаешь, что «Ялова» — это всего лишь корова без теленка. Бесплодная корова. И «бесплодная корова» становится твоим прозвищем с четвертого по шестой класс. Иногда сокращаясь до «коровы», иногда даже до «бэ-ка». И от обиды и слез ты начинаешь сидеть дома, читать книжки и лопать чай с печеньем — пока и в самом деле не обретаешь фигуру «коровы»...

Второе, что было главным в жизни Оли Яловой (или Оли-Яло, как она себя мысленно называла), — это хоккей. Настоящий хоккей с шайбой. Женский. Ну или девичий — в секцию она пошла совершенно случайно, когда однажды ей вдруг приснился мерзавец Соколов, перед которым она почему-то стоит совершенно голая, и красавчик Соколов (к тринадцати годам он стал высоким и уж совсем неприлично красивым мальчишкой) морщится, закрывает ладонью глаза и цедит сквозь зубы: «Корова...»

То ли время пришло, то ли хоккей был именно тем, что требовалось, — но весь лишний жир стек с Оли за полгода,

а через год — в четырнадцать — она была звездой юношеской сборной России.

И внезапно оказалось, что под пухлыми щеками и толстыми бедрами пряталась высокая (к пятнадцати Оля перегнала всех в классе, а тренер, оглядев ее, мрачно сказал: «В баскетбол не отпущу!»), крепкая (ситуация-то была шутейная, ну, дурацкий спор вышел... но Оля и сама не заметила, как уронила двух одноклассников — и те, сидя на полу, испуганно смотрели на нее и боялись встать) девушка (именно девушка — выходя из душа, Оля бросала на себя взгляд в зеркало и улыбалась, потому что знала — никакой дурачок, чьего имени она и знать не хочет, при виде ее не зажмурится).

А третье, что было в жизни Оли главным, только должно было случиться. Засунув руки в карманы (был мороз, а перчатки надевать не хотелось), Оля шла мимо Олимпийского стадиона, за которым высились недостроенные минареты главной городской мечети, мимо небольшой православной церкви. Был ранний вечер, фонари горели вовсю, но народу на улицах было немного, несмотря на центр города. Отвыкла Москва от настоящих русских морозов, всего-то минус пятнадцать — а все разбегаются по домам или прячутся в машины...

Вот сейчас через улочку, в подземный переход, на другую сторону проспекта Мира. Там по переулку, где грохочут на путях трамваи, в высотный жилой дом с массивным стилобатом (три года запойного чтения книг не прошли даром, оставив в голове у Оли массу случайных слов и знаний). В этом доме жил мерзавец Соколов. Красавчик Соколов. Ее, и только ее, Олежка Соколов!

Они встречались уже полгода, но этого никто не знал. Ни в школе, ни в спортивной секции. И мама с бабушкой тоже не знали.

Как-то уж слишком долго Оля Ялова и Олег Соколов враждовали.

Но теперь... нет, не теперь... завтра Оля ничего скрывать уже не собиралась. Завтра они придут с Олегом в школу вместе.

Потому что сегодня она останется у него ночевать. Родители Олега в отъезде. Бабушка и мама уверены, что Оля после тренировки останется у подруги.

А она останется у Олега.

Они уже все решили. Раньше они только целовались... ну... в общем, тот вечер на последнем ряду в кино не считается, хоть Олег и дал волю рукам...

Теперь все будет серьезно. Им уже по пятнадцать лет, кому сказать, что еще не занимался сексом, — позор! Засмеют! Допустим, девчонки из команды не занимались, но у них просто времени и сил нет. А в школе сейчас столько занятий... Но вообще-то в пятнадцать лет девственников и девственниц практически нет.

Это Оля знала точно, потому что прочитала об этом в Интернете, а три года запойного чтения дают не только лишние знания, но и излишнюю веру в печатное слово.

Где-то в глубине души (которая сейчас, вероятно, пряталась в животе) у Оли бился маленький холодный страх. И даже сомнение.

Олежка ей нравился. И целоваться с ним было здорово. И обниматься. И... и хотелось большего. Она прекрасно знала, как все бывает... как должно быть... ну Интернет же...

И в общем-то Оле этого хотелось.

Она только не могла понять — сейчас или потом? С Олегом или с кем-то другим? Но она уже пообещала прийти. А Оля Ялова не любила нарушать свои обещания.

...Переулок встретил ее холодным ветром, дующим со стороны трех вокзалов, и неожиданной тьмой. Неожиданной, потому что горели фонари, светились окна жилых домов, вывески магазинов. Но их свет почему-то не разгонял тьму — крошечные огоньки зависли в ночи, яркие, но беспомощные, будто далекие звезды в небе.

Оля даже остановилась на миг. Оглянулась.

Ну что за чушь? Ей идти — три минуты. А если бежать — то одну. И у нее рост метр семьдесят пять, а мышцы получше, чем у многих парней. Она в центре Москвы, времени — семь часов вечера, вокруг полно людей, возвращающихся домой.

Чего она боится? Да она просто к Олегу идти боится! Она не хозяйка своего слова. Наобещала — и испугалась, как маленькая девочка. А она взрослая женщина... почти уже взрослая... почти уже женщина...

Оля поправила вязаную шапочку с помпоном, перекинула через плечо поудобнее спортивную сумку (полотенце, чистые трусики и пачка женских прокладок — Оля подозревала, что завтра они ей понадобятся) и ускорила шаг.

* * *

...Младший лейтенант полиции Дмитрий Пастухов был не на службе. Он был даже не в форме, когда, подняв руку, ловил такси на углу Протопоповского и Астраханского переулков. Причины, почему в этот час Дима Пастухов был здесь, могли бы расстроить его жену, поэтому мы не будем вдаваться в детали. В защиту Димы можно сказать только то, что в руке у него был пакет, в котором лежала коробка конфет «Рафаэлло» и букет цветов из торгового автомата, купленные рядом, в дешевом супермаркете «Билла».

Цветы и конфеты Дима дарил жене не часто, раз-два в год. Что в данном случае, как ни странно, служит извиняющим фактором.

— Какие пятьсот? — темпераментно торговался Дима. — Да триста — красная цена!

— Ты на бензин цены знаешь? — так же темпераментно отвечал водитель-южанин из-за руля потрепанного «форда». Несмотря на очень нерусскую внешность, речь у него была чистой и интеллигентной. — Вызови официальное такси — никто дешевле не повезет!

— Я потому и ловлю частника, — пояснил Дима. Вообще-то он был морально готов на пятьсот рублей — ехать было не близко, но привычка требовала поторговаться.

— Четыреста, — решил южанин.

— А поехали, — сказал Дима и, перед тем как нырнуть в машину, окинул взглядом улицу. Просто так.

Девочка стояла шагах в пяти. Покачиваясь и глядя на Диму.

Вообще-то девчонка была высокой, фигуристой, в полумраке сошла бы и за взрослую женщину, но сейчас свет фонаря падал ей прямо на лицо — а лицо было совсем детским.

Девочка была без шапки, волосы растрепаны. Из глаз у нее катились слезы. Шея была окровавлена. Нейлоновая горнолыжная курточка была чистой, а вот на светло-голубых джинсах тоже проступали потеки крови.

Пастухов бросил пакет и букет на сиденье и кинулся к девочке. За спиной у него затейливо выматерился водитель, тоже увидавший девчонку.

— Что с тобой? — закричал Пастухов, хватая девочку за плечи. — Ты как? Где он?

Почему-то он не сомневался, что девочка сейчас покажет, «где он», и он догонит этого козла, и задержит, и в процессе задержания, если повезет, что-нибудь ему сломают или отобьют.

Но девочка тихо спросила:

— Вы полицейский, да?

Пастухов, который толком не осознавал отсутствие на нем формы, кивнул:

— Да. Да, конечно! Где он?

— Увезите меня, мне холодно, — жалобно попросила девочка. — Увезите меня, пожалуйста.

Насильника рядом не было. Водитель выбрался из-за руля, достав откуда-то бейсбольную биту (как известно, в России почти никто не играет в бейсбол, но вот бит продается сопоставимо с США). Идущая по Астраханскому

семейная парочка увидела девочку, Пастухова, водителя — и юркнула в супермаркет. А вот двигавшийся по Протопоповскому пацан с ранцем, напротив, остановился и издал восхищенный возглас — так радостно, что Пастухов подумал о воспетой в Библии пользе телесных наказаний для воспитания детей.

— Тебе нельзя сейчас покидать место происшествия... — начал было Пастухов.

И осекся.

Он увидел, откуда текла кровь. Два крошечных отверстия на шее девочки. Два следа от укусов.

— Пошли, — решил он и потащил девочку к машине. Та не сопротивлялась, будто приняв решение довериться ему, вовсе перестала о чем-то думать.

— Эй, в милицию ее надо... — сказал водитель. — Или в больницу... Эй, тут же Склиф рядом, сейчас...

— Я сам полиция! — Пастухов одной рукой достал из кармана «корочку» и сунул водителю под нос. — Никакого Склифа. Гони на Сокол.

— Зачем на Сокол? — поразился водитель.

— Там офис Ночного Дозора, — сказал Пастухов, укладывая девочку на сиденье и подсовывая ей под голову ее же сумку. Ноги девочки он положил себе на колени. С высоких «зимних» кроссовок закапал грязный тающий снег. А вот шея не кровоточила. Хорошо, что слюна вампира останавливает кровь после еды.

Плохо, что вампиры не всегда останавливаются вовремя.

— Какой еще Ночной Дозор? — удивился водитель. — Я в Москве двадцать лет живу, не помню такого.

«Ты и не будешь помнить», — подумал Пастухов. Но говорить это вслух не стал. В конце концов, он и сам, когда доводилось заходить к Иным, не был до конца уверен, что ему оставят память.

Лучше не зарекаться.

— Ты быстро вези, — посоветовал он. — Я штуку заплачу.

Водитель красочно объяснил, куда Пастухов должен будет поместить свою тысячу, и прибавил газа.

Девочка лежала, закрыв глаза. То ли впала в забытье, то ли была в шоке. Пастухов искоса глянул на водителя — тот не отрывал глаз от дороги. Тогда, чувствуя себя насильником и извращенцем, Пастухов осторожно раздвинул девочке ноги.

Джинсы в промежности были чистые, не испачканные. По крайней мере ее никто не насиловал.

Хотя, если уж говорить начистоту, с точки зрения Пастухова, — сексуальное насилие было бы куда меньшим злом. Привычным.

Часть первая

Вынужденные действия